

УДК 94 (571.54)
DOI 10.18101/2306-753X-2016-2-56-63

© Н. Е. Жукова

Противоречия внутренней жизни профессиональных союзов Бурятии во второй половине 1920-х гг.

В представленной статье дана характеристика внутренней жизни профессиональных союзов Бурятии во второй половине 1920-х гг., рассмотрены ее количественные и качественные параметры. В этот период профсоюзы республики стали единой централизованной системой и выполняли функции по защите своих членов, борьбы с безработицей, работы по повышению заработной платы. Наряду с количественным ростом БСПС, возросла и «деятельностная» активность: рядовые члены участвовали в низовых профсоюзных собраниях, говорили о проблемах профдвижения на ежегодных партконференциях, писали тематические газетные заметки.

Вместе с тем, во второй половине 1920-х гг. «классические» функции профессиональных союзов стали сводиться к агитации и пропаганде политических задач, организации участия трудящихся в демонстрациях, организации культурно-массовой и досуговой работы трудящихся. Все чаще самостоятельная деятельность БСПС вызывала критику партийного руководства, которая проявилась во влиянии на кадровую политику профсоюзов. Итогом внутреннего развития профсоюзов стала трансформация их политико-идеологического статуса, которая заключалась в складывании механизмов подчинения и контроля партийных органов над профсоюзами.

Ключевые слова: профсоюзы, защитные функции, трудящиеся, коллективные договора, пропаганда политических задач, партийный контроль над профорганами.

© N. Zhukova

The contradictions of the internal life of trade unions in Buryatia (the second half of the 1920s)

In the present article the characteristic of the internal life of Buryatia trade unions in the second half of the 1920s, its quantitative and qualitative parameters are discussed. During this period, the trade unions of the Republic became a single, centralized system and perform functions for the protection of its members, to combat unemployment, work to increase wages. Along with the quantitative increase ACAS increased and work of activity: ordinary members participate in grassroots trade union meetings, talked about the problems of the trade union movement at the annual party conferences.

However, in the second half of the 1920s «classic» functions of the trade unions have become confined to agitation and propaganda of political tasks, workers' organizations to participate in the demonstrations, organization of cultural and leisure activities of workers. Increasingly, independent activity ACAS caused criticism of the party leadership, manifested in the influence of trade unions on staffing policy. The result of the internal development of the trade unions has been the transformation of their political and ideological status that was folding mechanisms of subordination and control of party organs of labor unions.

Keywords: trade unions, protection functions, workers, collective agreements, promotion of political objectives, party control over the trade-union.

Ко второй половине 1920-х гг. в Бурятии существовала единая централизованная система профессиональных союзов, построенная по производственному принципу. Как и в целом по стране, профсоюзы республики стали частью государственного механизма, выполняя несвойственные им функции и практически не занимаясь защитной деятельностью.

В середине 1920-х гг. в республике доминировал аграрный сектор экономики, преобладали докапиталистические социальные отношения, характерные для традиционного общества, с неформальной социально-классовой структурой. В республике отсутствовала крупная промышленность, развитый частнокапиталистический сектор, следствием чего являлось фактическое отсутствие рабочего класса как особой социальной группы. В 1927-1928 гг. в государственной ценовой промышленности было занято 1215 рабочих [13, с. 13].

При этом во второй половине 1920-х гг. тенденция вовлечения всех трудящихся в профессиональные союзы была доминирующей, причем рост отраслевых профсоюзов республики наглядно демонстрировал активный рост непромышленных союзов. К 1926 г. самой большой отраслевой группой профсоюзов являлся профсоюз служащих государственных и общественных учреждений с 6409 членами, следующей по численности группой стала группа сельскохозяйственных профсоюзов 3607 членами, затем профсоюзы транспорта и связи с 2089 членами, промышленности с 1533 членами и профсоюзы служащих с 802 членами [13, с. 34]. Общее количество членов профессиональных союзов в Бурят-Монгольской АССР увеличилось с 14985 чел. в 1926 г. до 20430 чел. в 1930 г., в том числе по городу Верхнеудинску с 6641 чел. до 8973 чел. [13, с. 88]. Очевидно, что социальную основу профессиональных союзов составляли крестьяне и служащие промышленных предприятий, в то время как непосредственно рабочие, в силу своей малочисленности, являлись лишь небольшой их частью. Такое положение напрямую связано с социально-экономическим развитием республики.

Защитная деятельность республиканских профсоюзов, как работа в области регулирования заработной платы, носила противоречивый характер. С одной стороны, конфликты между рабочими и администрацией, батраком и нанимателем решились в профсоюзных примирительных комиссиях, где увеличивалось число конфликтов, решенных в пользу рабочих [5, с. 3]. С другой стороны, функции по решению конфликтных ситуаций на сельскохозяйственном производстве были возложены на сомнительные Советы, которые «от этой работы уклонялись» [3, с. 137]. Кроме того, наркомат труда был наделен полномочиями комплексного обследования предприятий, в ходе проведения которых нередко фиксировались и решались трудовые споры.

На VII Всероссийском съезде профессиональных союзов было принято важное решение. Съезд отказался от единой тарифной сетки и принял резолюцию о переходе к дифференцированным тарифным сеткам по отраслям промышленности. Эта резолюция сыграла большую роль в вопросах регулирования заработной платы. Создание максимально согласованных форм и систем оплаты труда, увязка их с характерными особенностями и условиями

работ каждого производства, должна была привести к устранению разрывов в зарплате рабочих путем подтягивания низкооплачиваемых групп [2].

Однако проследить выполнение решений съезда профсоюзами Бурят-Монгольской АССР, а также установить конкретные мероприятия в области тарифно-экономического регулирования не просто, ввиду неразделенности их основных функций. Внести некоторую ясность в данный вопрос могут воспоминания председателя БСПС П. Ф. Зорина, согласно которым «профсоюзы играли тогда решающую роль в разработке и осуществлении политики заработной платы, непосредственно участвовали в разработке норм выработки расценок на работы, в установлении должностных окладов» [12, с. 113].

Кроме того, инструментом регулирования заработной платы стал коллективный договор, заключаемый при посредничестве профсоюзов. Но в силу того, что договора соблюдались не всеми участниками трудовых отношений, повсеместно возникали проблемы с выплатой заработной платы. В ряде случаев, профессиональные союзы не могли отстаивать позиции трудящихся при разрешении конкретной проблемы, связанной с оплатой труда. Так, например, «когда повысили ставки на разряд, то хозяйственники стали изощряться. Если рабочий до повышения работал по 7 разряду, то потом его перевели в 6. И профсоюз не возражал» [5, с. 3].

Несколько лучше обстояла работа с помощью безработным, для которой в БСПС была выделена даже специальная строка расходов. Так в 1925-26 гг. ЦСК на плановое пособие по безработице израсходовано вместе с другими видами 13948 р. 56 к., в 1926-1927 гг. – 354997 р. 6 к. [6, Л. 120]. Кроме того, проводились и другие специальные мероприятия по решению проблемы растущей безработицы, такие как создание временных рабочих коллективов. Увеличение расходов на борьбу с безработицей объясняется возрастанием количества членов профессиональных организаций, вставшим на учет в Бирже труда, которое в 1927-1928 гг. достигло 60% [3, с. 137].

Во второй половине 1920-х гг. республиканские профсоюзы определяли свое положение в общественно-политической жизни как организации содействия политики советской власти и открыто заявляли о поддержке ее мероприятий во всех областях жизни. Идеологизация и политизация профсоюзного движения на данном этапе стала более очевидной, повышая значение политико-идеологического воспитания трудящихся в духе социалистической солидарности. Подводя итог развитию профессиональных союзов республики в первую юбилейную годовщину революции в 1927 г., председатель БСПС П.Ф. Зорин утверждал, что «под влиянием профсоюзов во всей системе советского строительства замечается подъем классово-политического и культурного уровня рабочих масс. Они не только понимают задачи своего государства, но и стремятся быть активными его строителями. Профсоюзы правильно выполнили основной завет Ленина – стали школой коммунизма» [9, с. 113]. Такое понимание идеологической задачи и отождествление интересов рабочих с целями государства и партии, являлось отражением гене-

ральных политических изменений в сторону усиления роли государства в общественно-политическом развитии.

Среди основных достижений профсоюзов Бурятии отмечалось содействие политики государственной власти «организации, формированию и укреплению ее советского, хозяйственного и культурного аппарата». Также признавались успехи в деле коренизации, «в результате чего к настоящему моменту мы имеем около двух тысяч бурят, вовлеченных в профсоюзы, а процент их организованности по отдельным союзам (медики, просвещенцы) достигает 90%». В качестве недостатков профработы в деле коренизации аппаратов Зориным отмечено, что «вовлечение бурят в аппарат разного рода учреждений и, особенно в производство далеко недостаточно, особенно мало вовлекается батрацко-бедняцкая часть. Недостаточно развернута работа по организации батрачества, его воспитанию и вовлечению на арену общественно-советской жизни» [11, с. 113]. Характер деятельности профсоюзных органов демонстрировал единство целей и задач государственной власти и профсоюзов, что было следствием огосударствления последних и лишало их самостоятельности при принятии решений и превращало в ничего не решающую инстанцию.

Во второй половине 1920-х гг. практика партийного руководства профсоюзами становилась системной. В ноябре 1926 г. на пленуме Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) обсуждался вопрос «О состоянии и работе профсоюзов Бурятии», где был отмечен значительный рост профсоюзных организаций и улучшение их работы на основе развертывания рабочей демократии, расширения сети профорганизаций и союзного актива. Однако пленум отметил также недостатки в руководстве фракциями профорганизаций со стороны партийных органов: мелочное вмешательство в текущую работу профорганизаций, частая смена их руководства, нарушающая профсоюзную демократию, перенесение большинства вопросов на обсуждение партийных организаций, входящих главным образом в компетенцию профорганизаций [1, с. 37].

Указанные недостатки в работе профорганов, безусловно, имели место, однако их наличие не ставило под сомнение необходимость партийного руководства профсоюзами, сохранявшими формально статус общественной организации. Тем не менее, на протяжении 1920-х гг. профсоюзы все-таки рассматривались как организации рабочего самоуправления, как средство осуществления рабочего контроля. По этой причине руководством Бурпрофсовета предпринимались меры для активизации внутрисоюзной жизни.

Рапорт об успехах профсоюзов в деле активизации их внутренней жизни и реализации режима экономии был сделан главой БСПС на объединенном январско-майском пленуме обкома и КК в 1928 г. В выступлении, сообщалось, что «посещаемость по отдельным союзам выросла до 20-%. Заметно улучшилось проведение собраний и разбор стоящих на повестке дня вопросов. Административные расходы снижены до 12%. Процент расхода на аппарат также снизился, но он все еще велик, главным образом, в маленьких сою-

зах. Дневная зарплата возросла на 8,8%, месячная на 9,7%» [7, Л. 55]. Далее П. Ф. Зорин обращал внимание на то, что производительность труда понизилась. Но увеличилось число конфликтов, разрешаемых в пользу рабочих, что «мы объясняем лучшей защитой, но все же считаем, что доля разрешенных конфликтов в пользу администрации еще высока» [7, Л. 55].

Докладчик особо остановился на культурно-просветительской работе, указывая что «за три месяца в трех клубах проведено 84 семейных вечера, 42 спектакля, 62 кино-постановок, 13 докладов и лекций, 14 разных вечеров. Всего кружков мы имеем 111 с охватом 2388 человек. Профпросвещение – окончили работу 17 кружков из 70, остальные развалились. Нынче мы перешли на профшколы, организовано 14 школ. На периферии мы школ не организовывали, т.к. нет актива, который бы обслуживал их» [7, Л. 57]. Действительно, во второй половине 1920-х гг. ряд общественных и профсоюзных организаций действительно способствовали развитию новых форм социального взаимодействия, а их цели, задачи и повседневная деятельность были направлены на решение многих общественно значимых проблем [10, с. 57].

Динамика внутрисоюзной работы стала предметом обсуждения на IV областной конференции профессиональных союзов в феврале 1928 г., где указывалось, что на собраниях по заключению коллективных договоров присутствовало от 62 до 97% членов, из которых в прениях высказывалось 28%. Похожую картину членской активности дают сведения об активности на производственных совещаниях, в работу которых было втянуто от 10 до 12% рабочих [4, с. 5]. Иначе говоря, на проводимых профсобраниях была активна только треть присутствующих, в то время как остальные члены профколлективов не принимали участие в обсуждениях.

Вопрос увеличения активности и эффективности союзных и производственных совещаний для профсоюзных организаций был одним из важнейших, и в силу этого систематически отслеживаемым. Данные статистических отчетов за 1926-1927 гг. говорят о том, что «посещаемость общих цеховых собраний, хотя и увеличилась в отчетном году по рабочим союзам с 2 до 20%, но все же еще недостаточная [6, Л. 33]. Несколько лучше было положение с проведением и посещением производственных совещаний, по причине предметного рассмотрения возникающих вопросов. Например, за 1926 г. проведено 18 производственных совещаний, на которых присутствовало 458 чел., заслушано вопросов 30, принято администрацией 23. В 1927 г. по всем союзам было проведено 45 совещаний, с 1452 присутствующими, на которых рассмотрен 91 вопрос, причем в 6 союзах на проведенных 23 производственных совещаниях из 38 рассмотренных вопросов администрацией было поддержано 27 [6, Л. 43].

Привлечение большого количества трудящихся к работе в профессиональных организациях имело и свою обратную сторону. Усиление бюрократических начал в работе республиканских профсоюзных организаций стало тенденцией внутрисоюзной жизни во второй половине 1920-х гг. В данный период времени увеличилось число членов союзов занятых в производствен-

ных комиссиях. Если на первое января 1925 г. – в различных комиссиях при завкомах и месткомах работало 245 членов профсоюза, на 1 января 1926 г. – 1083, то к октябрю 1928 г. в них работало около 4 тыс. членов союза [1, с. 38].

Нелакированная действительность профсоюзной жизни нашла отражение в прениях по докладу председателя Бурпрофсовета на IV конференции профсоюзов республики. Внимание делегатов больше сосредотачивалось на вопросах бесхозяйственности на предприятиях и в строительстве, наличии бюрократизма в учреждениях, на слабое выполнение хозяйственниками решений производственных совещаний и недостаточную защитную работу. Кроме того, делегаты указывали на недостатки медпомощи и затяжку с получением пособий по временной нетрудоспособности и по безработице в сельской местности [8, Л. 102]. Сформулированные претензии членов профорганизаций относились ко всей сфере труда и занятости населения, что говорит об использовании профсоюзных съездов как о некой «трибуне» для выражения своего недовольства текущим положением.

В одном из номеров Бурят-Монгольской отмечались недостатки внутрисоюзной работы таким образом: «... странно, когда тот же местком сейчас, в период развертывания внутрисоюзной демократии, устраивает «заседания вдвоем», не оповещая о них остальных членов месткома, не говоря уже о членах коллектива. Другой коллектив занимается на собраниях переключками, забывая, что посещение собраний дело добровольное. В третьем – бюро кассы взаимопомощи забыло о том, что оно должно отчитываться перед своими избирателями. В четвертом есть все данные для развертывания работы, но она «почему-то» не развертывается» [5, с. 3]. Очевидно, что данная публикация описывала растущую бюрократизацию и формализацию работы профессиональных союзов, отсутствие реальной демократии внутри профсоюзов. Однако внешняя сторона профработы изобиловала отчетами, собраниями, дискуссиями, цель которых и состояла в активизации работы рядовых членов профсоюзов. В целом система рабкоровских заметок давала рабочим некую возможность сформулировать самим волнующие их проблемы, среди которых, как правило, были жалобы на низкую заработную плату или на неэффективность ее повышения, плохие жилищно-бытовые условия, не повсеместное заключение коллективных договоров и т.д. К сожалению, имеющийся комплекс источников не позволил выявить методы реагирования на подобные жалобы трудящихся.

Одной из ведущих тенденций внутрисоюзной жизни второй половины 1920-х гг. стало усиление административного влияния, подтверждением чего служат следующие данные. В конце 1927 г. в месткомах и завкомах профсоюзных организаций было 30% коммунистов, в аймачных профбюро, областных комитетах и Бурпрофсовете – 48%. Почти на всех руководящих должностях в профсоюзных органах работали коммунисты [1, с. 136].

Политизация профессионального движения республики проявилась и в обязательном характере участия профсоюзов в кампаниях по выборам и перевыборам в Советы. Практика широкого вовлечения профсоюзов в органи-

зационно-массовую работу была распространена и давала весомые результаты. Так, например, посещаемость членами профсоюзов отчетно-выборных собраний в Верхнеудинский Совет в 1927 г. достигла 70%, в 1928 г. - 92,5% [12, с. 89]. Лозунги о необходимости вовлечения трудовых масс в советское строительство стали значимым аргументом для профессиональных союзов, которые также включались в политический процесс. Динамика участия профессиональных союзов в выборах в Верхнеудинский Совет приводит к выводу об обязательном и принудительном вовлечении всех членов городских профсоюзов в отчетно-выборные кампании.

В исследуемый период стало реальностью огосударствление профессиональных организаций, рост, особенно в руководящем звене, доли партийных работников. Теоретические представления В. И. Ленина о профсоюзах как о «школе коммунизма», в сочетании с функциональной аморфностью и отсутствием реальных оснований для противопоставления их государству, стали трансформироваться в реальное положение дел. Свое влияние республиканский обком проводил через т.н. коммунистические фракции, решения которых были обязательны к исполнению.

Определенная тенденциозность решений комфракции проявилась по отношению к «неудобным» руководителям профсоюзов, что очевидно на примере председателя союза работников просвещения, одного из весомых членов президиума БСПС т. Зонова. В октябре 1928 г. он был арестован органами ГПУ, в связи с тем, что в 1922 году Зонов являлся активным борцом против Советской власти и партии во время Антоновского мятежа в Тамбовской губернии. Решение комфракции было принято соответствующе: «исключить Зонова из членов президиума и пленума БСПС. Предложить БО РАБПРОС исключить Зонова из членов союза» [8, Л. 2]. Интересно, что комфракция не предприняла попыток защиты члена руководящего состава совета профессиональных союзов, а, констатировав правильность ареста Зонова, без выяснения дополнительных обстоятельств дела, лишила его членства в союзе.

Функции комфракции БСПС по регламентации кадровой политики в сфере труда и занятости населения расширились, что в конечном итоге привело к явлению прямого назначенчества руководящих работников. Самый яркий пример прямого контроля комфракции над БО БСПС, появился в связи с решением о смене председателя совета профсоюзов Е.Н. Лосова в декабре 1929 г. Причины, по которым обком ВКП(б) счел необходимым удалить Лосова, были объяснены следующим образом: «Обком своим постановлением решил снять с работы т. Лосова ввиду несрабатанности с бюро и, кроме того, он вел политику, идущую в разрез с политикой бюро. Кроме того, т. Лосов не введен в члены обкома, что затрудняет работу и руководство обкома над Бурпрофсоветом» [8, Л. 111]. Судя по приводимой аргументации, руководство бурятского обкома ВКП(б) рассматривало Бурпрофсовет как напрямую зависимую полугосударственную структуру, руководство которой не имеет права проводить самостоятельную политику. Данных о судьбе Лосова нет, но судя по тому, что в данный период набирали силу политические репрессии

[14, с. 73], мотив несогласия с республиканским обкомом мог привести к негативным последствиям.

Таким образом, анализ деятельности республиканских профессиональных союзов, позволяет сделать вывод о существенном изменении их положения. Трансформация политико-идеологического статуса профсоюзов во второй половине 1920-х гг. заключалась в складывании механизмов подчинения и контроля партийных органов над профсоюзами. Следствием всеобъемлющего контроля партийных органов стала утрата профсоюзами функций защиты прав и интересов трудящихся. В данный период главной целью существования профсоюзов стала задача идеологического воспитания трудящихся. Постепенно функции профессиональных союзов стали сводиться к агитации и пропаганде политических задач, организации участия трудящихся в демонстрациях, организации культурно-массовой и досуговой работы трудящихся.

Литература

1. Басаев Г. Д. Становление бурятской организации КПСС / Г. Д. Басаев. — Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1989.
2. Бородкин Л. И., Сафонова Е. И. Государственное регулирование трудовых отношений в годы НЭПа: формирование системы мотивации труда в промышленности // Экономическая история. — 2000. — № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 15.06.2016)
3. Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика: Материалы к отчету IV съезда Советов 1926/7-1927/8 гг. — Изд-е ЦИК и СНК БМАССР.
4. Бурят-Монгольская правда // Верхнеудинск, 1928. — № 31 от 7 февраля.
5. Бурят-Монгольская правда // Верхнеудинск, 1927. — № 101 от 8 мая.
6. ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1329.
7. ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1249.
8. ГАРБ. Ф. п-1, оп. 1. Д. 1325.
9. Жизнь Бурятии // Верхнеудинск, 1927. — № 1.
10. Жукова Н. Е., Палхаева Е. Н. Деятельность общественных организаций Бурятии (вторая половина 1920-х гг.) / Н. Е. Жукова, Е. Н. Палхаева // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — Вып. 2. — 2014. — С. 55-61.
11. Зорин П. Ф. Воспоминания ветерана // Байкал. — Улан-Удэ, 1983.
12. Отчет правительства Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики за 1928-1930 гг. — Верхнеудинск, 1930.
13. Социалистическое строительство Бурят-Монгольской АССР за 10 лет. — Верхнеудинск, 1933.
14. Фартусов Д. Б. Политические репрессии граждан Монголии и Китая на территории БМ АССР / Д. Б. Фартусов // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — Вып. 1, 2015. — С. 72-77.

Жукова Наталья Евгеньевна, кандидат исторических наук, специалист Научной библиотеки, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, e-mail: nataliiuik@mail.ru
Zhukova Natalia, Candidate degree in History, specialist of the Scientific library, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: nataliiuik@mail.ru